

Дементьева В.В.

Античная свобода как основа современного понятия политической свободы (историографические заметки)

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1514>]

[Публикация работы:]

Дементьева В.В. 2007: Античная свобода как основа современного понятия политической свободы (историографические заметки) // Государство. Общество. Религия: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 3-10.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

I. АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

В.В. Дементьева

Античная свобода как основа современного понятия политической свободы (историографические заметки)

О том, что в основе многих европейских политических парадигм лежат античные истоки, говорилось в научной литературе давно и многократно, в том числе немало в конце XX века. Но в первое пятилетие XXI в. – в непосредственной связи с объединительным процессом Европы – античные корни европейских политических реалий стали приковывать особенно пристальное внимание историков-антиковедов. В том числе оживленно обсуждалась проблема «античная свобода как основа современного европейского понятия политической свободы».

Среди зарубежных публикаций, рассматривающих этот вопрос, выделим статьи живущего в США антиковеда Курта Раафлауба¹ (данный автор обращался к проблеме и ранее, еще в середине 80-х гг., но сейчас высказывает ряд новых положений) и профессора университета им. Гумбольдта в Берлине Вильфрида Ниппеля² (обе работы изданы в 2003 г.). Имеется также раздел о свободе и равенстве статьи Ангелы Пабст 2002 года, посвященной актуальности античной демократии³

К. Раафлауб задается целью провести сравнительный анализ различных греческих точек зрения на свободу, с одной стороны, а с другой – сопоставить греческие и римские представления о ней. Он аргументирует два тезиса: 1. Свобода, более чем другие политические понятия, была «реактивным концептом». Под этим он понимает, что свобода (и эта связь, на его взгляд, постоянна) – в качестве политической ценности – только лишь тогда осознается и формулируется, когда возникает угроза ее потери, когда ее утрата или же «монополизация» посредством «групповых интересов» входит в коллективное сознание. 2. Свобода не была изначально аристократическим понятием. Во внутривнутриполитической сфере была она первоначально позитивно конкретизирована, если была важна для неаристократических слоев, выдвигавших притязания, которые, напротив, были неприемлемы для традиционной элиты и представляли для нее опасность.

Курт Раафлауб приходит к утверждению: «свобода» в архаической Греции еще не была понятием, относящимся к политическим ценностям, что со всей очевидностью, – как он подчеркивает, – вытекает из анализа источников⁴ Конечно, она не отсутствовала полностью в тех аспектах, которые мы в современности идентифицируем со свободой, и как социальная ценность (в противопоставлении «свободный – несвободный», «свободный раб», «ἐλευθερος – δοῦλος») была свобода греками осознана с самого раннего времени. Но для политизации этой ценности нужно было особое стечение обстоятельств, которые впервые сложились в V в. до н.э. Это было также время, в котором слово, ранее существовавшее только как прилагательное «свободный» (ἐλευθερος), вдруг по большей части стало встречаться в качестве существительного «свобода» (ἐλευθερία). На взгляд К. Раафлауба, форма слова – как нового существительного – верная примета изменившейся оценки концепта.

В архаическое время в Греции, – пишет К. Раафлауб, – отсутствовали политические предпосылки для актуализации свободы. Архаическая аристократия не создала политическое понятие свободы, поскольку для античной элиты были важны в качестве общих и первостепенных социальные аспекты свободы, а политиче-

ские аспекты ее рассматривались исключительно только как следствие или составная часть этой социальной свободы⁵

К. Раафлауб утверждает, что лишь перед лицом угрозы существования для полисов, в эллинском союзе против Ксеркса, после победы 480/79 г. до н.э. значение и суть свободы как центральной отличительной черты их собственного общества – в противоположность совсем по-иному организованному обществу и системе господства – были осознаны, как вовне, так и по отношению к внутренней жизни⁶ Тогда-то и был создан термин *ἐλευθερία*, свобода. Свободный полис понимался теперь как община свободных граждан.

Вместе с этим присоединилась свобода, по мысли К. Раафлауба, как центральное политическое ценностное понятие – к праву, справедливости, порядку и равенству. Все эти понятия были отнесены к общине и распространены на каждого в отдельности, кто в нее входил. В Риме же, напротив, установлены были в качестве коллективных те ценности, которые составляли полный ряд ценностей индивидуальных (*dignitas, auctoritas, pietas, virtus*). Они, хотя аристократическая система ценностей концентрировалась на руководстве *res publica*, также внедрены были и в коллектив (описывали, тем не менее, первостепенно статус и притязания отдельных лиц в социальной и политической иерархии).

Как возникшее в социальной сфере и основанное на социальном престиже понятие свободы встречается, – отмечает К. Раафлауб, – также и в Риме. Там, как и в Греции, на его взгляд, «концепт политической свободы» был вызван к жизни отнюдь не аристократией⁷ Такие аристократические компоненты *libertas*, как *auctoritas* сената или *dignitas* нобилей, есть, согласно К. Раафлаубу, результат корректировки понятия свободы, они, появившись с середины II в. до н.э., есть продукт кризиса Республики, являются поздними и вторичными⁸

Свобода народа в Риме, подчеркивает К. Раафлауб, возникает не из его активной роли в политической жизни. Она появляется, с одной стороны, из уважения народом своего суверенитета и компетенции принятия решений, а с другой – в дальнейшем все более важных и все более конкретных – определенных прав и законодательного регулирования. Сюда он относит все, что не со-

ставляет индивидуального действия (принцип равенства перед законом, принципы функционирования магистратур, плебейский трибунал, право провокации и др.). Такое содержание римской *libertas* есть древнейшее, оно восходит, по его мнению, к первой половине V в. до н.э. Именно в этом времени, как подчеркивает К. Раафлауб, надо искать возникновение политического понятия свободы в Риме. Обратим внимание, что хронологически возникновение понятия «свобода» в политическом смысле для Греции и Рима К. Раафлауб определяет фактически одинаково. Сам он не акцентирует этот момент, но нам он кажется весьма существенным, ибо фиксирует своеобразное «единство вклада» в данном отношении греческой и римской античности в современность и влечет за собой признание «равного участия» римлян в выработке отдельных политических парадигм, получивших второе рождение в новое и новейшее время.

Оппонируя Фергюсу Миллару, К. Раафлауб подчеркивает, что Рим никогда не был демократией: народное собрание не обладало правом инициативы и целиком зависело от воли высшего магистрата. Римляне не имели даже особого термина для обозначения «свободы слова», – это право было включенным в *libertas* и было само собой разумеющимся только для принадлежавших к руководящему слою. В этом отношении, считает К. Раафлауб, Рим гораздо более родственен к Спарте и Македонии, чем Афинам⁹.

К. Раафлауб делает вывод, что борьба за *libertas* против регнупта или тирании в период поздней Республики шла за утверждение власти сената или, скорее, за властную монополию незначительного руководящего слоя внутри сената, с одной стороны, а с другой – за реализацию возможностей честолюбивых индивидов (в связи с этим он рассматривает роль «свободы» в замыслах Цезаря, его пропаганде и изображении самого себя).

К. Раафлауб не проводит сопоставления содержания понятия «свобода» в античности и современности. Но он анализирует возникновение этого понятия именно как политической категории, а собственно в таковом качестве оно и живет в европейской системе ценностей сегодняшнего дня. Тем самым, ознакомившись с его исследованием, читатель может сказать, что «свобода» как политическое понятие в современном европейском обществе – это на-

следие античного времени. Другое дело – поиски различий между античностью и современностью в содержательном наполнении этой категории отдельными составляющими ее элементами.

Задачу проследить трактовку этих различий авторами нового и новейшего времени ставит в названной выше работе Вильфрид Ниппель. Античное и новое наполнение понятия «свобода» в их сопоставлении он рассматривает историографически – со времен Бенжамена Констан (его работы 1819 г.) до конца XX в. Согласно суждению Б. Констан, имеется фундаментальное различие между античной и современной свободой. В современности означает свобода для граждан защиту законов от произвола в использовании государственных механизмов, свободу выражать свое мнение, заниматься по своему выбору определенной деятельностью, свободно распоряжаться своей собственностью, объединяться с другими по своему усмотрению для выполнения профессиональных, религиозных или иных целей. Наконец, означает также свобода, считал Б. Констан, имея в виду своих современников, право оказывать влияние на правительство через назначение всех или определенных должностных лиц, посредством заявлений, протестов, ходатайств, которые обязывают государственную власть учитывать их в той или иной степени¹⁰

По Б. Констану, представительная система правления есть великое завоевание современности, только в ней гарантирована защита индивидуальных прав.

Совсем по-другому, на взгляд Б. Констана, выглядели отношения между защитой индивидуальных прав и участием в политических делах в античности. Он считал, что для древних свобода состояла в том, чтобы совместно с другими, прямым образом, непосредственно, осуществлять значимую часть общего суверенитета, – принимать решения на площади о войне и мире, заключать союзы с иными народами, голосовать за законы, выносить судебные приговоры, принимать отчетность, подвергать проверке выполнение обязанностей должностными лицами политических органов, которых вызывать перед народом, обвинять, осуждать, свободно высказываться. Однако в античности, полагал Б. Констан, все, что обозначало свободу, сохраняло полную подчиненность одного господству всех, объединенных этой коллективной

свободой. Государственная власть при этом проникала даже в интимнейшую домашнюю сферу, утверждал Б. Констан.

Так излагает В. Ниппель позицию (в ее главных чертах) французского антиковеда, положившего начало дискуссиям о характере античного понимания политической свободы в сопоставлении со свободой в новейшем смысле этого слова. Продолжение этих дискуссий В. Ниппель связывает с работами Фюстель-де Куланжа, Якоба Буркхарда (концепт греческого государства, где не было свободы индивида), Макса Вебера, Августа Бека, Уильяма Митфорда. Среди авторов XX в., писавших по этой проблеме, В. Ниппель выделяет Мозеса Финли, Поля Вейна и Йохена Бляйкена.

Не все трактовки различий смыслового наполнения понятия «свобода» в античности и современности В. Ниппель охватил, поэтому его очерк далеко не может считаться исчерпывающим. Так, в стороне оставлены были им труды Могенса Германа Хансена, который находил общее в содержании понятия «свобода» для античности и современности в том, что в той и другой концепции «имеются две стороны»: позитивная и негативная свобода¹¹ «Первая означает свободное участие в управлении государством, вторая – свободу от вмешательства в личную жизнь»¹² Эта позиция Хансена была изложена в отечественной антиковедческой литературе Л.П. Маринович¹³, которая замечает, что, по мнению М.Г. Хансена, «нельзя считать, что свою концепцию современное общество унаследовало от античного – она родилась из сходных условий»¹⁴

Ангела Пабст рассматривает проблему в несколько иной плоскости: «свобода и равенство – античная демократия и современный ценностный дискурс»¹⁵ Признавая свободу в качестве элемента и принципа античной демократии именно в политической сфере, А. Пабст подчеркивает, что античность не знала в повседневной жизни равенства «людей как людей», а потому в античности свобода соотносилась с равенством совсем по-иному, чем в европейской современности.

И.Е. Суриков обращает внимание на определенное различие в понимании самой политической свободы греками и нашими современниками. «В демократических Афинах, – пишет он, – принцип свободы неразрывно сопрягался с принципом ответственно-

сти»¹⁶ Он отмечает, что «чрезвычайно разработанными были формы отчетности носителей власти, должностных лиц перед согражданами», политик же «не только не получал никакой «неприкосновенности», – напротив, он попадал под еще более пристальный надзор общественного мнения и в случае нарушения существующих законов или норм подвергался особенно суровой каре»¹⁷

В целом представляются весьма существенными следующие выводы историографии последних лет по анализируемой тематике. Согласно наблюдениям исследователей, понятие «свобода» в политическом значении появляется в античности позже, чем в значении социальном, причем по времени в Греции и Риме возникновение политического наполнения этого понятия совпадает и может быть отнесено к первой половине V в. до н.э. Появлением своим понятие политической свободы обязано было отнюдь не аристократии, а «неэлитарным» слоям общества, что прослеживается антиковедами как для Греции, так и для Рима. Отличие процесса формирования концепта свободы в Риме от Греции заключалось, согласно последним утверждениям историографии, в том, что в Риме в качестве коллективных ценностей для всей гражданской общины были приняты ценности индивидуальные, а в Греции сначала происходило оформление общезначимых ценностей, которые затем были распространены на каждого члена гражданской общины.

Продолжающееся уже около двух веков обсуждение вопроса о различии и сходстве в содержательном наполнении понятия «свобода» для античности и современности, с одной стороны, сохраняет ракурс «позитивная – негативная» свобода, с другой стороны, – все больше акцентируется сопоставление античной и современной европейской политической свободы «в связке» понятий: свобода и равенство, свобода и ответственность, свобода и толерантность и т.д.

Примечания

¹ *Raaflaub K. Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom // Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Lebilder und Wertkonzepte im Altertum. Mainz am Rhein, 2003. S. 55-80.*

² *Nippel W.* Antike und moderne Freiheit // *Ferne und Nähe der Antike. Beiträge zu den Künsten und Wissenschaften der Moderne.* W. Jens, B. Seidensticker (Hrsg.). Berlin, New York, 2003. S. 49-68.

³ *Pabst A.* Zur Aktualität der antiken Demokratie // *Mensch – Natur – Technik. Perspektiven aus der Antike für das dritte Jahrtausend.* (Hrsg. von E. Erdmann, H. Kloft). Münster, 2002. S. 149-183.

⁴ *Raaflaub K.* Zwischen Adel und Volk... S. 58.

⁵ *Ibid.* S. 59.

⁶ *Ibid.* S. 60.

⁷ *Ibid.* S. 61.

⁸ *Ibid.* S. 65.

⁹ *Ibid.* S. 66.

¹⁰ *Nippel W.* Op. cit. S. 58.

¹¹ *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы: Курс лекций. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 25.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 25, 49.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ *Pabst A.* Op. cit. S. 154-166.

¹⁶ *Суриков И.Е.* Классическая афинская демократия: «свет и тени» народо-властия // *Проблемы антиковедения и медиевистики.* Вып. 2. Н. Новгород, 2006. С. 34.

¹⁷ Там же.

Н.С. Дзюба

Архаические черты в образе Афродиты: богиня моря и плодородия

Религия и мифология древних греков включали в себя образы многих сверхъестественных существ. Как и в других политеистических религиях, здесь в одном божестве часто соединялись различные функции и сферы покровительства, связь между которыми проследить подчас представляется довольно сложным. Как правило, подобные божества имели иноземное восточное происхождение, и такое разнообразие их ипостасей исследователи античной религии и мифологии объясняют отголосками характера этих восточных божеств.

Один из ярких примеров таких божеств – Афродита. Проблемы изучения образа этой богини в той или иной степени касались